

С. С. БЫТКО*

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ ЕДИНОВЕРИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭСТЕТИКИ СТРАДАНИЯ ДОСТОЕВСКОГО

В настоящей статье выясняется значение феномена единоверия в нравственно-философской концепции Достоевского. Исследуются истоки старообрядческих образов в творчестве писателя, а также их влияние на сюжеты его произведений. Выдвигается гипотеза о присутствии заочного диалога между Ф. Достоевским и Н. Некрасовым по вопросу об истории и традициях русского старообрядчества. Особенно подчеркивается неразрывность представлений автора о единоверии с такими ключевыми для его мировосприятия концептами, как страдание и почвенничество.

Ключевые слова: Достоевский, единоверие, старообрядцы, раскол, страдание, нравственная философия, православие.

Являясь одним из основополагающих понятий религиозной философии Ф.М. Достоевского, феномен добровольного страдания не раз становился предметом скрупулезного исследования отечественных литературоведов. Специалисты отмечают, что сильнейшие жизненные тяготы в произведениях писателя неизменно выпадают на долю самых светлых и кротких из созданных им персонажей. Зачастую таковыми становятся дети, символизирующие неотягощенную грехами взрослых христоподобную человеческую природу (Неточка Незванова, Матреша, герой рассказа «Мальчик у Христа на елке» и др.). Столь же морально чистыми, тяготеющими к «миру детей» видятся многие из героев, импонирующих душевному складу автора: князь Мышкин, Алеша Карамазов, Авдотья Романовна Раскольников и др.¹

В иных случаях чести быть отмеченными страданием удостоиваются персонажи, призванные совершить акт покаяния. Метафизический переворот в душах героев, сопровождающийся безмерными моральными терзаниями, становится способом самопознания и одновременно наградой за преодоление греховных устремлений. Личное страдание же выступает основанием для развития в человеке осознанной эмпатии.

---

* Сергей Станиславович Бытко — аспирант Нижневартовского государственного университета — labarum92@rambler.ru

Sergey S. Bytko, Postgraduate Student, Nizhnevartovsk State University.

¹ Азаренко Н. А. Концепт «страдание» как основной репрезентант темы детства в творчестве Ф. М. Достоевского // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. №2 (023). С. 48, 51.

Таким образом, лишь нравственно-исключительные, жертвенные и страдавательные натуры, по мысли Ф. М. Достоевского, способны вступить в таинство богообщения².

Искания Достоевского той универсальной категории людей, которая стала бы идеальным выразителем его религиозно-этических концепций, в конце 1860-х гг. привели его к изучению русского «раскола» и нетипичных характеров его многочисленных адептов³. В последние годы в среде специалистов идет основательное переосмысление того влияния, которое было оказано старообрядчеством на формирование философии Ф. М. Достоевского. Если ранее феномен маргинального христианства рассматривался лишь в связи с революционными устремлениями российских нигилистов середины XIX в. или же в рамках критики писателем деструктивной власти расколоучителей, то ныне удалось установить факты сочувственного и даже восторженного отношения автора к некоторым направлениям русского старообрядчества. Так, К. А. Баршт указывает на факт признания Достоевским староверов как подлинных выразителей идеологии почвенничества и «лучших людей страны»⁴.

Становится очевидно, что, несмотря на выдающуюся роль, которую сыграл Ф. М. Достоевский в истории русской религиозной философии, было бы натяжкой назвать писателя ортодоксальным православным верующим⁵. Известно, что искреннее благоговение у него вызывало христианство именно в своей «народной» форме, противопоставленной казенной, навязанной свыше религиозно-общественной модели. Именно с этим, по всей видимости, следует связывать наличие сотен аллюзий на старообрядчество в трудах автора⁶. Можно утверждать, что в XIX в. широкие народные массы не видели значительных отличий между «никонианами» и «ревнителями старины», допуская почитание старых обрядов при сохранении евхаристического общения с официальной церковью. Оказывая колоссальное влияние на религиозную и повседневную жизнь даже «нераскольнических» общественных кругов, староверие виделось Ф. М. Достоевскому явлением, глубоко укоренившимся в традициях русского народа, определяя тем самым ряд параметров его «почвенничества»⁷. Неудивительно, что в творче-

---

² *Климова С. М.* Страдание у Достоевского: сознание и жизнь // Вестник РГГУ. Сер. Философия. 2008. № 7. С. 188–189, 195.

³ *Мочульский К. В.* Кризис воображения: статьи, эссе, портреты. М., 2017. С. 52.

⁴ *Баршт К. А.* Почвенничество Ф. М. Достоевского как элемент русской религиозной реформации в сборнике «Из глубины» // Философские письма. Русско-европейский диалог. 2018. № 1. С. 49, 52.

⁵ *Евламиев И. И.* Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб., 2012. С. 464–465.

⁶ *Баршт К. А.* Почвенничество Ф. М. Достоевского как элемент русской религиозной реформации в сборнике «Из глубины». С. 49–50.

⁷ *Бытко С. С.* О «Хозяйке» и конфессиональной терминологии (новые размышления к теме «Достоевский и старообрядчество») // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 22. СПб., 2019. С. 190, 200.

стве писателя, чуждого любому социальному размежеванию, выразителями ключевых мировоззренческих идей традиционно становятся не высокие церковные иерархи, часто придерживавшиеся в XIX в. агрессивной антистарообрядческой риторики, но скромные, убогие старцы и странники, столь близкие народным представлениям об истинно православных подвижниках⁸. Ряд специалистов и вовсе полагает, что шаткий статус Тихона («Бесы») и Зосимы («Братья Карамазовы») в монастырской иерархии может быть указанием на их скрытую приверженность староверию⁹.

Необходимо констатировать, что образ «ревнителей древлего благочестия», нашедший широкое отражение на страницах произведений Достоевского, не раз подвергался серьезному авторскому редактированию и существенно идеализировался ради более полного соответствия философии почвенничества. Так, одним из немаловажных мотивов поддержки Ф.М. Достоевским старообрядчества была обрядовая избыточность, наблюдавшаяся в официальной церкви¹⁰. Не понаслышке знакомый с обширной публицистикой о староверах и даже произведениями самих «старолюбцев», Достоевский вряд ли мог не знать о том, насколько догматизирована была обрядово-ритуальная практика некоторых «раскольничьих» толков. Образы кротких старцев, смиренно сносящих обрушаемые на них несправедливости, вряд ли могут быть напрямую связаны с известными историями последователей «старой веры», развернувшими обширную полемическую кампанию против господствующей иерархии в конце XVIII — начале XX в.¹¹

Не следует, однако, думать, что Достоевский не замечал столь видимых расхождений в своих теоретических построениях с реальной общественной практикой. Не единожды автор, возмущавшийся проявлениями индивидуализма и разобщенности, шельмовал «раскол» за, как ему казалось, крайне враждебную догматику и непримиримую полемическую традицию¹²: «...древняя Россия в замкнутости своей готовилась быть неправа, — неправа перед человечеством, решив бездейственно оставить драгоценность свою, свое православие, при себе и замкнуться от Европы, то есть от человечества, вроде иных раскольников, которые не станут есть из одной с вами посуды и считают

⁸ *Суворцев С.С.* Развитие и становление философских взглядов Ф.М. Достоевского // Вестник МГУ. 2008. Т. 11, № 1. С. 51–52.

⁹ *Барит К.А.* О «реализме в высшем смысле» и символе веры Ф.М. Достоевского // *Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici*. Vol. XXIV. Pisa; Roma, 2017. С. 42.

¹⁰ *Барит К.А.* «...Исходил, благословляя, папа-антихрист». Об одной парадоксальной формулировке в подготовительных материалах к роману Ф.М. Достоевского «Бесы» // Новый филологический вестник. 2019. № 2 (49). С. 123.

¹¹ *Палкин А.С.* «Не соединенци, но подчиненци...». Отношение старообрядцев к единоверию в конце XVIII — середине XIX в. (по материалам полемических произведений) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2012. Вып. 2 (4). С. 83.

¹² *Медвидь Е.Е.* Абсолютные ценности в религиозно-философской антропологии Ф.М. Достоевского // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2006. № 3. С. 211.

за святость каждый завести свою чашку и ложку» (23, 46). Осознавая староверие как одно из наиболее продуктивных явлений русской общественной жизни, Достоевский одновременно был вынужден сталкиваться с двойственным характером этого феномена, даже одним своим названием — «раскол» — противоречившим дорогим сердцу писателя идеалам «всеобъединения»¹³.

Встает закономерный вопрос: каким образом Достоевский проводит грань между благородными «ревнителями старины» и приверженцами деструктивного «раскола»? Ответ может дать рассмотрение концепции единоверия в художественном наследии писателя. Указанное конфессиональное образование появилось на рубеже XVIII–XIX вв. и ставило своей целью преодоление церковного раскола путем взаимного компромисса: староверы получали возможность сохранить дониконовскую обрядовую практику, но обязывались перейти под иерархическую юрисдикцию Синодальной церкви.

Следует отметить, что феномен единоверия немало интересовал Достоевского. Так, в начале 1870-х гг. писатель принимает участие в заседаниях Общества любителей духовного просвещения, где одним из важнейших вопросов становится обсуждение нужд единоверия (в частности — необходимости отмены клятв 1667 г.)¹⁴. Достоевский размещает в журнале «Гражданин» материалы данного диспута, а также указывает на «чрезвычайную важность» обозначенного вопроса для всего русского общества (21, 139–142).

В публикациях прошедших лет была достаточно подробно рассмотрена генеалогия увлечения Достоевского проблемой «раскола». Установлено, что отголоски этих интересов уходили корнями в юность и даже детство автора и сопровождали его на протяжении всей жизни. Однако важнейшим событием, окончательно установившим староверие в качестве неотъемлемого столпа почвенничества, стало знакомство писателя со взглядами старообрядческого полемиста К.Е. Голубова. Будучи учеником другого известного духовного наставника Павла Прусского (в миру — П.И. Леднева), Голубов в 1867 г. вслед за своим учителем переходит в единоверие и разворачивает широкую «антираскольническую» полемику, убеждая приверженцев старого обряда пойти на примирение с господствующей церковью¹⁵. Вероисповедные измышления Голубова, базировавшиеся на самоограничении, стремлении

---

¹³ Кантор В. К. Трагические герои Достоевского в контексте русской судьбы (роман «Подросток») // Вопросы литературы. 2008. №6. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/r55dj4qql/direct/72243930> (дата обращения 30.03.2020).

¹⁴ Буданова Н. Ф. Павел Прусский и его книга «Беседы о пришествии пророков Илии и Эноха, об антихристе и седминах Данииловых» (новые материалы к теме «Достоевский и старообрядчество») // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 18. СПб., 2007. С. 86.

¹⁵ Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII — начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург, 2016.

к единению и общественной пользе, находили сочувственный отклик в душе писателя и могли быть использованы в полемике с неприемлемыми для Достоевского католицизмом и нигилизмом¹⁶. Таким образом, совершенно не удивительными представляются намерения писателя сделать Голубова наставником Князя, бывшего ключевым выразителем идей почвенничества в черновых набросках к роману «Бесы»¹⁷.

Попробуем выяснить глубинные причины предрасположенности Достоевского к К.Е. Голубову. Рассмотрим письмо к А.Н. Майкову от 1868 г.: «А знаете ли, кто новые русские люди? Вот этот мужик, бывший раскольник при Павле Пруссом. Это не тип грядущего русского человека, но уж, конечно, один из грядущих русских людей» (28₂, 328). Обращает на себя внимание весьма примечательная характеристика Голубова — «*бывший раскольник*». Нам видится, что, несмотря на господствующее в специальной литературе представление о единоверии как специфической ветви старообрядческого «раскола», Ф.М. Достоевский проводил ясную разграничительную черту между двумя данными явлениями. Известно, что писатель придерживался негативных взглядов на явление русского сектантства, обнаруживая в последнем утрату национального наследия и источник закрепощения личности (21, 412). Староверие же в его представлении всегда оставалось достаточно противоречивым, воплощающим в себе как силу народного духа, так и зачатки его разрушительной природы¹⁸. Следует думать, что единоверие в данном ряду виделось Достоевскому наиболее созидательным явлением, призванным преодолеть обособленность «староверцев» через отказ от конфессиональной вражды. Таким образом, единоверие становилось логичным продолжением старообрядческого «раскола», сохранившим наследие «Святой Руси», но преодолевшим церковную схизму XVII в.

Стоит заметить, что именно в староверии Достоевский наблюдает все грани страдательности человеческого бытия. На последний факт не единожды обращали внимание многие исследователи. Так, В.Ф. Соколова утверждает, что старообрядчество являлось важнейшим источником идеи самопожертвования через страдание в творчестве писателя¹⁹. Даже Свидригайлов отмечает в Авдотье Раскольни-

---

¹⁶ Барут К. А. «...Исходил, благословляя, папа-антихрист». Об одной парадоксальной формулировке в подготовительных материалах к роману Ф. М. Достоевского «Бесы». С. 124–125.

¹⁷ Арсентьева Н. Н. «Молодежь без руководства». Проблема духовного наставничества в романе Достоевского «Бесы» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 21. СПб., 2016. С. 58–59.

¹⁸ Бытко С. С. Философское осмысление старообрядчества в творчестве Ф. М. Достоевского: особенности интерпретации // Материалы и исследования по истории России. Вып. 1. Нижневартовск, 2017. С. 10.

¹⁹ Соколова В. Ф. Тема церковного раскола в творчестве Ф. М. Достоевского // Православное старообрядчество: Информационный портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://edinoslavie.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=545> (дата обращения 14.05.2019).

ковой абсурдный, с его точки зрения, религиозный фанатизм и жажду претерпеть мученичество подобно приверженцам еретических учений²⁰ (6, 365). Заметим, что сам Свидригайлов, по мысли Достоевского, не способен к принятию добровольного страдания. Дар сохранять нравственную чистоту под гнетом общественного порока должен был максимально дистанцировать кроткие образы мучеников от презрительно-гордых персонажей, обретающих благополучие в пораженном грехом мире.

В этом контексте прекрасными выразителями соответствующего умонастроения писателя становятся близкие ему по духу старoverы. Зачастую нравственно шаткие персонажи его произведений стремятся избежать каких-либо страданий или внести в жизнь побольше удовольствий. Способов осуществления этого выработано немало: пьянство, самоубийство, бунт против Бога и др.²¹ Старoverы, напротив, не только не чуждались принятию страдания, но, напротив, стремились добровольно возложить на себя все тяготы мира «победившего антихриста»²². Именно поэтому столь противоестественными Достоевскому представляются примеры обмирщения старoverов, утраты ими национальных корней и идеалов через пристрастие к пьянству и половому беспутству²³. Характерный пример можно наблюдать в лице Сергея Сокольского («Подросток»), отмечавшего, что его прадед хранил старую веру и даже скитался в костромских лесах (13, 250). Сам же далекий от «древлего благочестия» князь Сережа отметился на страницах произведения постыдной связью с Лидией Ахмаковой и соблазнением Елизаветы Долгорукой. Одновременно с этим становятся абсолютно ясны мотивы сочувственно-благосклонного отношения писателя к красильщику Миколке («Преступление и наказание»), стремящемуся принять незаслуженную кару вместо Раскольникова и преодолеть тем самым раскол в собственной душе, приведший его к разрыву с родной верой и почвой²⁴.

Не единожды исследователи творчества Достоевского обращали внимание на то, что тема добровольного страдания появляется в произведениях автора именно под впечатлением от встречи со старoverами во время отбывания заключения в Омском остроге²⁵. Наиболее при-

---

²⁰ Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. Якутск, 1995. С. 61.

²¹ Митина С. И. Ф. М. Достоевский: страдание и свобода // Интеграция образования. 2001. № 1. С. 78.

²² Барит К. А. О «реализме в высшем смысле» и символе веры Ф. М. Достоевского. С. 38.

²³ Бытко С. С. Философское осмысление старообрядчества в творчестве Ф. М. Достоевского: особенности интерпретации. С. 9.

²⁴ Агашина Е. Н. Раскольники и «наполеоновы» (к теме раскола в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 4. С. 100.

²⁵ Кожурин К. Я. Тема русского раскола и старообрядчества в русской философско-исторической мысли XIX — начала XX в. // LiveJournal: Информационная платформа

мечательным из числа изображенных в «Записках из Мертвого дома» старообрядческих узников однозначно можно назвать старичка-стародубца, отправленного, по словам писателя, в Сибирь за поджог единоверческой церкви. Обладая выдающимися душевными качествами (кротость, непреклонность в вере, равнодушие к деньгам), старик обнаруживает, однако, весьма примечательную антиномию, сочетая в себе абсолютное добросердечие с неистовым анархическим радикализмом²⁶. В рамках повествования писатель противопоставляет ему других «раскольников» из стародубских слобод. Последние, олицетворяя собой нетерпимость, лукавство и тщеславие, достаточно скоро удостоиваются клейма «гордых» персонажей в авторском категориальном аппарате.

В достоинстве ведется полемика относительно причин столь видимого несоответствия душевного склада персонажа с его антиединоверческой позицией. Известно, что наиболее вероятный прототип старика-стародубца — Е. Д. Воронин — был отправлен в острог вовсе не за поджог церкви, а лишь за отказ посещать ее. М. Суюян утверждает, что Достоевский намеренно преувеличивает тяжесть совершенного преступления в чисто художественных целях, с целью показать наибольший контраст между его характером и проступком²⁷. И. В. Починская предполагает, что разговоры о сожжении церкви могли отражать лишь готовность старика пойти на этот шаг, но не реально произошедшее событие²⁸. Заметим, что Ф. М. Достоевский в тексте не называет старика «раскольником». Вместо этого писатель, вразрез с устоявшейся к тому времени традицией, называет его «старообрядцем» или «старовером».

Надо думать, что антиединоверческие взгляды старика объясняются хронологией написания «Записок из Мертвого дома», а именно — 1860–1861 гг. Повторимся, что мысли о необходимости сближении единоверия с философией почвенничества захватывают писателя лишь в 1867–1868 гг. По всей видимости, до этой поры данное направление старообрядчества виделось ему лишь лукавой попыткой светских властей покорить народную стихию, лишив староверов доктринальной преемственности и разлучив их с наследием «древней России». Полагаем, будь это произведение написано после знакомства писателя с личностью и творчеством К. Е. Голубова, художественное воплощение

[Электронный ресурс]. URL: <https://santaburge.livejournal.com/131577.html> (дата обращения 15.05.2019).

²⁶ Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 31.

²⁷ Суюян М. Раскольники в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского: взаимодействие художественного текста с публицистикой // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 4 (169). С. 140.

²⁸ Починская И. В. Из истории введения единоверия в России: новый источник о процессе воссоединения с официальной церковью стародубских старообрядцев // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 179.

старика из «Мертвого Дома» подверглось бы значительному авторскому переосмыслению. Почти наверняка старец не сжигал бы единовременного храма, а может быть, и вовсе оказался бы приверженцем этой примирительной конфессии.

Повествуя о судьбах каторжников, отбывавших наказание в сибирской глуши, Ф. М. Достоевский не единожды оговаривается о почти сакральном отношении последних к побегу из острога (4, 224). По мнению В. Я. Кирпотина, случаи бегства напоминали арестантам о чувстве человеческого достоинства и свободе. Следует, однако, не согласиться с исследователем, утверждавшим, будто для Достоевского уход из мира в поисках воли всегда имел своим результатом лишь преумножение людских злодеяний и возвращение в острог²⁹. Наиболее убедительным опровержением подобного тезиса представляется явление в романе «Подросток» одного из ключевых персонажей повествования — странника Макара.

В достоевведении не раз переосмыслились прообразы столь примечательного литературного героя. Так, В. А. Туниманов и М. Сюйян видят в нем отражение уже упомянутого ранее стародубского старовера. В частности, исследователи отмечают крайне схожую характеристику, присущую обоим старикам, — «добродушный смех»³⁰. Н. Ф. Буданова утверждает, что при работе над персонажем Ф. М. Достоевский обращался к ветхозаветной традиции, а именно — пророку Илии. Обратим внимание на описание внешности Макара, приведенное на страницах «Подростка»: «Там сидел седой-преседой старик, с большой, ужасно белой бородой <...> очень бодрого вида, несмотря на болезнь, хотя несколько бледен и худ, с продолговатым лицом, с густейшими волосами, но не очень длинными, лет же ему казалось за семьдесят» (13, 284). Едва ли не дословный портрет мы можем наблюдать на распространенном в христианской иконописной традиции сюжете «Илия в пустыне». Принимая во внимание и тот факт, что Макар, будучи выразителем народного духа, являлся, подобно ветхозаветному пророку, скитальцем и пустынноиком, тезис исследовательницы оказывается более чем убедительным. Следует, однако, оговориться, что сама Н. Ф. Буданова отмечает весьма интересное обстоятельство, а именно — при разработке образа подвижника Ф. М. Достоевский пользовался не столько книгами библейского цикла, сколько сочинением небезызвестного Павла Прусского «Беседы о пришествии пророков Илии и Эноха...»³¹.

²⁹ Кирпотин В. Я. Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966. С. 374–375.

³⁰ Сюйян М. Раскольники в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского: взаимодействие художественного текста с публицистикой. С. 143; Туниманов В. А. Достоевский и Некрасов // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 53.

³¹ Буданова Н. Ф. Павел Прусский и его книга «Беседы о пришествии пророков Илии и Эноха, об антихристе и седмицах Данииловых» (новые материалы к теме «Достоевский и старообрядчество»). С. 90–91.

Л. Н. Цой предполагает, что решающее влияние на образ Макара оказал странник Влас из одноименного произведения Н. А. Некрасова³². Известно, что Ф. М. Достоевский высоко ценил это творение за ту колоссальную нравственную силу, которой поэт наделил своего героя³³. Несмотря на многочисленные обвинения в двуличии и алчности, Некрасов не был лишен глубины художественного чувства: развивая христианские идеалы покаяния и добровольного принятия на себя страданий через традиции народного богоискательства, поэт представил читателю выразителя совершенной крестьянской добродетели. Влас в равной степени близок по своему типуажу как к старику стародубцу, так и к Макару Долгорукому.

В первоисточнике содержится немало намеков на старообрядческое происхождение Власа. Некрасов отмечает, что в прошлом герой принадлежал к купеческому сословию и отличался чрезвычайным своекорыстием. Занимаясь хлебными спекуляциями, он, между тем, был замечен в укрывательстве разбойников. Не остается без внимания и «крутой, строгий» нрав персонажа, описанный на страницах произведения. Еще более примечательны черновые автографы стихотворения, где поэт отмечает, что грузоперевозки Влас осуществлял не где-нибудь, а «по Волге»³⁴. Приведенное описание как нельзя лучше соотносится с распространенными в обществе стереотипами о сребролюбивых волжских купцах-староверах. Заметим, что едва ли не дословным их выразителем может считаться небезызвестный голова г. Саратова Л. С. Масленников, к середине XIX в. сколотивший внушительное состояние на торговле зерном. Связанный тесными деловыми и духовными контактами с Иргизскими монастырями, он не раз обвинялся в покровительстве местной общине беглопоповцев, приверженцы которой в массовом сознании зачастую ассоциировались именно с преступниками. Весьма примечательно, что всего через несколько лет после публикации «Власа» Н. А. Некрасов разместит в «Современнике» едкий сатирический очерк С. А. Макашина, обвиняющий саратовского голову в фальшивомонетничестве, воровстве и принадлежности к «расколу»³⁵.

Между тем на оформление образа молодого Власа опосредованное влияние могла оказать повесть Ф. М. Достоевского «Хозяйка», главные герои которой также принадлежат к некоей еретической секте и, занимаясь торговым ремеслом, ведут свое происхождение

---

³² Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 76.

³³ Жилыкова Э. М. Христианские мотивы и образы в творчестве Н. А. Некрасова (1830–1850-е гг.) // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 277.

³⁴ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: в 15 т. Л., 1981. Т. 1. С. 152, 532.

³⁵ Бытко С. С. «Степан Степаныч своих не покинет», или Тайный старообрядец в должности городского головы (к биографии Л. С. Масленникова) // Православие. Наука. Образование. 2018. № 2 (6). С. 21, 23.

из Поволжья³⁶. Пребывая в конце 1840-х гг. в ревностной творческой полемике с Достоевским, поэт, без сомнений, был знаком с его повестью. Последнее можно однозначно утверждать хотя бы ввиду той широкой критики, которую обрушил на это произведение В. Г. Белинский³⁷. Заметим, что даже вслед за таинством духовного перерождения, превратившим надменного богача в бродягу, Влас не отказывается от своего «раскольничьего сословия». В частности, мы можем заметить, что скиталец путешествует по миру с медной иконой на груди³⁸. В первой четверти XVIII в. резные и отливные образа выходят из богослужебной практики Синодальной церкви³⁹. Стоит ли говорить, что сохранение литейного искусства в XIX столетии становится неотъемлемой чертой именно старообрядческой иконографической традиции?

Влас, однако, был далеко не единственным выходцем из староверия на страницах некрасовских произведений. Писатель пронизательно подмечает в старообрядчестве не только имущественный недостаток, но и чрезвычайное душевное богатство. В доказательство последнего обратимся к поэме «Дедушка», где поэт красноречиво изображает семейское население Забайкалья. Крайне примечательно, что отправленные «за раскол» в сибирскую глушь мужики получают самый дорогой, в ценностной системе Н. А. Некрасова, подарок — свободу. Пожалованные землей и волей крестьяне показывают себя в высшей степени предприимчивыми и трудолюбивыми людьми. Овеянный благополучием быт «религиозных диссидентов», тем не менее, не теряет своей нравственной трезвости и патриархального очарования⁴⁰.

Весьма показательно, что Некрасов избегает, вслед за официальной пропагандой, называть семейских «раскольниками». Напротив, в своем сочинении писатель всячески педалирует слово «*русские*». Таким образом, подобно Ф. М. Достоевскому, староверы виделись Н. А. Некрасову носителями исконно народного менталитета, выразителями крестьянских чаяний. Получив свободу от чиновничьего и помещичьего произвола, забайкальские мужики своим трудом и в кратчайшие сроки создают столетиями искомое всеми русскими людьми Беловодье. На этом фоне внимание приковывает нарочитая

---

³⁶ Бытко С. С. О «Хозяйке» и конфессиональной терминологии (новые размышления к теме «Достоевский и старообрядчество»). С. 194.

³⁷ Абрамовская И. С., Егорова К. М. Особенности трактовки «мертвого дома» в поэме Н. А. Некрасова и повести Ф. М. Достоевского // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 3. С. 80.

³⁸ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: в 15 т. Л., 1981. Т. 1. С. 152.

³⁹ Кочергина М. В. Памятники медной художественной пластики из старообрядческих духовных центров Стародубья и Ветки: вопросы атрибуции и особенности бытования в старообрядческой среде // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 2. С. 25.

⁴⁰ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: в 15 т. Л., 1982. Т. 4. С. 114.

политическая отрешенность литературных староверов. Последние исправно поставляют рекрутов и вносят казенные подати⁴¹. Отметим, что даже в Забайкалье старообрядцы вплоть до начала XX в. продолжали находиться под пристальным государственным контролем. Ввиду же крайней малочисленности лояльных политическому режиму поповцев, семейским нередко приходилось отражать попытки местной администрации повлиять на их религиозно-бытовую жизнь⁴². Столь же непросто в Забайкалье проходили и рекрутские наборы, в ходе которых «поборники старины» всячески исхищрялись в деле выкупа своих единоверцев из воинской повинности⁴³.

Известно, что Н. А. Некрасов интересовался проблематикой «раскола» не только в рамках своего общения с деревенскими обывателями, но, по всей видимости, изучал и специальную литературу по обозначенному вопросу. Результаты этих исканий воплотились на страницах, пожалуй, самого знаменитого из его произведений — «Кому на Руси жить хорошо», где староверы упоминаются не иначе как доходная статья духовенства⁴⁴. Заинтересованные в избавлении от двойной подати и ослаблении чиновничьего надзора, старообрядцы нередко снабжали провинциальное священство деньгами за право быть внесенными в метрические книги в качестве приверженцев господствующей иерархии. В той же поэме мы обнаруживаем воплощение другого весьма выразительного старца, призывавшего спастись в дремучих лесах от посланников антихриста: «Старообряд Кропильников, / Старик, вся жизнь которого / То воля, то острог»⁴⁵.

Таким образом, удастся выяснить некоторое творческое взаимодействие Н. А. Некрасова и Ф. М. Достоевского в сфере осмысления феномена русского староверия. Оба писателя не единожды изображали «ревнителей древнего благочестия» в образе надменных корыстолюбцев, не лишенных, однако, способности к раскаянию и исправлению (2, 408). В процессе заочного диалога оба писателя неизбежно приходят к пониманию старообрядцев как исконных носителей русского религиозного чувства, страдальцев, вступающих в противоборство с миром победившего порока. Творения Некрасова, однако, были не единственными поэтическими произведениями, которые автор «Преступления и наказания» ценил за присутствие там старообрядческого компонента. Здесь, конечно же, следует упомянуть поэму А. Н. Майкова

---

⁴¹ Там же. С. 115.

⁴² *Костров А. В.* Забайкальское старообрядчество начала XX в. в контексте имперского регионализма // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2012. №2 (3). Ч. 1. С. 101.

⁴³ Секретное донесение Иркутского губернатора А. В. Пятницкого о раскольниках от 14 августа 1841 г. // История старообрядцев (семейских) в документах Государственных архивов Байкальского региона (1766–1917 гг.). Иркутск, 2016. С. 144.

⁴⁴ *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч.: в 15 т. Л., 1982. Т. 5. С. 23, 679.

⁴⁵ Там же. С. 203.

«Странник»⁴⁶, удостоенную в ряде весьма лестных отзывов Достоевского (28, 170–171).

Возвращаясь к вопросу о первоисточниках литературного образа Макара Долгорукого, следует также указать на результаты исследований, согласно которым прообразом старика мог стать не кто иной, как К. Е. Голубов⁴⁷. Систематизируя выводы литературоведов, зададимся вопросом: стоит ли считать случайностью, что все четыре прототипа Макара имели прямую или опосредованную связь с «миром старообрядчества», а своим духом полностью соотносились с всепримиряющими идеалами единоверия?

Существует немало свидетельств сопричастности Макара идеям старOVERия. Наиболее очевидное из них — трепетное отношение к «раскольничьей» иконе, с которой тот никогда не расставался и считал чудотворной⁴⁸ (13, 408). Данное наблюдение зачастую критически осмысливается исследователями. В частности, в комментариях к роману в полном собрании сочинений утверждается, будто упоминание «раскольничьего» происхождения иконы является лишь указанием на ее древность. В качестве аргумента составители обращаются к образу Богоматери в покаях старца Зосимы (17, 390). Как нам представляется, неверно полностью отождествлять обе реликвии. Заметим, что икона Зосимы вовсе не принадлежит старообрядческой кисти, так как написана «до раскола» (14, 37). Налицо намерение автора указать на святость лика ввиду его принадлежности ко временам церковного единения, подточенного реформой Никона⁴⁹. В свою очередь, икона Макара написана уже после схизмы 1660-х гг. Последнее, однако, не делает ее менее сакральной. Так, согласно Достоевскому, именно «народному православию» досталась чистота и искренность древнерусской духовной традиции, утраченная Синодальной церковью. Таким образом, для Ф. М. Достоевского как «раскольничье», так и «дораскольничье» происхождение образа, несомненно, свидетельствовало о его старине. Вместе с тем первостепенным писателю виделось именно сакральное наполнение этой принадлежности, сопричастность руки иконописца традициям народности и соборного начала.

Другим весьма занимательным признаком старообрядческого подтекста в личности Макара Долгорукого является его крайне неканоничный взгляд на молитву за самоубийц. Есть основания полагать, что призывы Аркадия молиться за покусившихся на собственную жизнь были

---

⁴⁶ Майков А. Н. Странник // Майков А. Н. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1984. С. 24–53.

⁴⁷ Барит К. А. О «реализме в высшем смысле» и символе веры Ф. М. Достоевского. С. 42.

⁴⁸ Шлапакова Е. В. Мотив денег в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Литературоведение, журналистика. 2018. Т. 23. № 2. С. 212.

⁴⁹ Кантор В. К. Трагические герои Достоевского в контексте русской судьбы (роман «Подросток»).

обусловлены актами самоожжения, распространенными в староверческой вероисповедной культуре и вызывавшими весьма сочувственное отношение народных масс к добровольным мученикам⁵⁰. Отметим еще одну малозаметную, но значимую деталь — бережное отношение старика к собственной фамилии, столь нелюбимой юным Аркадием. Причиной гордости старца являлось именно то, что такую же фамилию носят прославленные князья Долгорукие. Стоит ли считать лишь совпадением тот факт, что во второй половине XIX в. старообрядцы нередко приписывали знатное происхождение своим единоверцам, носившим столбовые боярские фамилии? Подобные бегущие от антихриста «вельможи» встречали весьма радушный прием в среде «раскольников», а после становились неотъемлемым атрибутом старообрядческой полемики с «нововерами»⁵¹.

Наконец, весьма любопытной представляется особая начитанность Макара, нехарактерная для рядовой крестьянской массы, но весьма обыкновенная для деревенской старообрядческой прослойки XIX столетия⁵². Чрезвычайно необычными видятся незаурядные познания старика не только в церковной, но и в светской литературе. Известно, с каким недоверием «ревнители старины» относились к гражданской печати⁵³. Следует, однако, отметить появление в последней четверти XIX в. значительного числа всесторонне образованных старообрядческих начетчиков, лояльно и даже благожелательно относившихся к нецерковным произведениям. Тем не менее, к моменту первой публикации «Подростка» (1875 г.) даже столь пронизательный мыслитель, как Ф. М. Достоевский, вряд ли мог наблюдать ростки интеллектуального расцвета, проступавшие в глубинах староверия. В интересе Макара к светской культуре явственно видится вовсе не тривиальная образованность, а нечто более важное для философии писателя — признак преодоления старообрядческой отрешенности от инославного общества, разрушение границ между интеллигенцией и народом, образовавшихся во времена Петра I⁵⁴ (11, 88). Макар Долгорукий — продукт того специфического «христианского просвещения», о котором много писали славянофилы, И. С. Аксаков и И. В. Киреевский.

Столь же выразительным примером единения следует считать неоднократно описанный Достоевским в «Дневнике писателя» случай отправки российскими староверами, прекрасно осознававшими свои

---

⁵⁰ Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 95.

⁵¹ Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. 2-е изд., доп. М., 1988. С. 60.

⁵² Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 96.

⁵³ Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII — начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург, 2016. С. 25.

⁵⁴ Туниманов В. А. Достоевский и Некрасов. С. 62.

вероисповедные различия с сербами, санитарного отряда на Балканы (24, 61). По мнению писателя, доктринальные разногласия не стали помехой для этно-конфессиональной солидарности славянских народов в силу исключительного «чувства почвы», скрытого в глубинах русской ментальности. В дальнейшем классик напишет: «...старообрядцы тотчас же соединяются с русскими в желании жертвы» (24, 302). В своей публицистике за 1876 г. (год отправки санитарного отряда на фронт сербско-турецкого конфликта) огромное внимание автор уделяет *единоверию* как ключевой причине помощи балканским народам. В продолжение этого Достоевский подвергает сокрушительной критике публицистов, не считавших единоверие фундаментом общечеловеческой консолидации (23, 124–126, 129–130).

Усмотрев в образе Макара весьма определенную связь со староверием, отметим также влияние этого героя на построение концепта страдания в творчестве Ф. М. Достоевского. Подобно другим староверам, Долгорукий не избегает дарованных ему судьбой испытаний. В качестве способа добровольного мученичества старик выбирает путь отшельничества. Таинство хождения по Земле, развитое старообрядческим соглашением бегунов, было наивным, но необходимым атрибутом их религиозной модели. Воспринимая свой разрыв с миром как битву с антихристом, странники весьма импонировали чутким эмоциональным переживаниям автора, осознававшего чуждость тонких добродетельных натур царству лжи и порока⁵⁵.

Ряд исследователей, как нам представляется, излишне критично воспринимает феномен скитальчества в произведениях Достоевского. Так, В. А. Туниманов считал, что одним из базовых мотивов творчества великого писателя была критика странничества ввиду того, что последнее олицетворяло собой низшую форму духовного искательства, обделенную светским просвещением⁵⁶. Несомненно, что в поведении бегунов писатель усматривал проявления культурного кода, присущего простонародью. Тем не менее, как нам удалось выяснить в представленной работе, крестьянская ментальность для писателя вовсе не несла негативной коннотации, но, напротив, он видел в ней предпочтительную форму бытия просвещенного русского христианина. Вместе с тем на примере старика Макара мы можем наблюдать литературный образ, вопреки выводам исследователя, искусно воплотивший в себе как святость русской церковной традиции, так и свершения интеллектуальной культуры.

Л. Н. Цой, в свою очередь, приходит к заключению, что Достоевский соотносит явление бродяжничества вовсе не с народной средой,

---

⁵⁵ Барит К. А. «...Исходил, благословляя, папа-антихрист». Об одной парадоксальной формулировке в подготовительных материалах к роману Ф. М. Достоевского «Бесы». С. 118, 126.

⁵⁶ Туниманов В. А. Достоевский и Некрасов. С. 43.

а с нравственно-шаткой прослойкой русской интеллигенции. Более того, по мнению исследовательницы, богоискательство в форме странничества являлось следствием именно совершившегося церковного раскола и не было характерно для Древней Руси, несшей в себе зерно крепкой веры⁵⁷. Позволим себе переосмыслить данные суждения. Не возникает сомнений, что, по мысли автора, сама фигура Макара Долгорукого должна была нести в себе отголоски средневековых русских образов. Невозможно не заметить и настойчивые аллюзии с приверженцами русского старообрядчества, возникающими в описании персонажа. Обе приведенные культурные парадигмы, как нам представляется, не отрицают друг друга, но, наоборот, имеют узнаваемые точки пересечения — душевная простота и твердость в вере. Старик Макар, сам будучи «раскольником», не стремится преодолеть русское старование во всей его полноте, но лишь обличает своей праведностью самые порочные его черты: надменность, враждебность, лукавство и др.

Заметим, что, по наблюдению самой Л. Н. Цой, Достоевский прямым текстом не определяет конфессиональную принадлежность пожилого скитальца⁵⁸. Вряд ли сам Макар мог углубляться в данный вопрос, хотя бы в силу того, что для автора «Подростка» глубоко порочным виделось даже само стремление христианина конфессионально огордиться от единого и истинного в своей сути исповедания. Объединяющий потенциал последнего, по мысли Достоевского, заключался вовсе не в доктринально-обрядовой идентичности, а в схожих морально-волевых достоинствах его последователей.

Резюмируя результаты исследования, можно сделать вывод, что в творчестве позднего Ф. М. Достоевского складывается целостный концепт духовно-нравственной солидаризации русского православного христианства, связанного идеологией «почвенничества». Примечательно, что центральным стержнем подобной консолидации писатель видел вовсе не конфессиональное большинство общества, а сохранивших архаичную возвышенность нравов представителей русского старования. Условием примирения враждующих ветвей при этом должна была стать наилучшая форма старообрядчества — единоверие, базировавшееся на идеалах сознательности, сострадательности и смирения. По мысли Достоевского, будучи порождением русского «древлеправославия», единоверцы должны были сохранить культурно-обрядовую преемственность и нравственные идеалы старой веры, преодолевая при этом характерный для идеологии Раскола феномен отчужденности.

---

⁵⁷ Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. Якутск, 1995. С. 98.

⁵⁸ Там же. С. 97.

Библиографический список

- Абрамовская И. С., Егорова К. М.* Особенности трактовки «мертвого дома» в поэме Н. А. Некрасова и повести Ф. М. Достоевского // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 3. С. 80–85.
- Агашина Е. Н.* Раскольников и «наполеоновы» (к теме раскола в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 4. С. 98–101.
- Азаренко Н. А.* Концепт «страдание» как основной репрезентант темы детства в творчестве Ф. М. Достоевского // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2 (023). С. 48–53.
- Арсентьева Н. Н.* «Молодежь без руководства». Проблема духовного наставничества в романе Достоевского «Бесы» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 21. СПб., 2016. С. 56–80.
- Барит К. А.* «...Исходил, благословляя, папа-антихрист». Об одной парадоксальной формулировке в подготовительных материалах к роману Ф. М. Достоевского «Бесы» // Новый филологический вестник. 2019. № 2 (49). С. 116–131.
- Барит К. А.* О «реализме в высшем смысле» и символе веры Ф. М. Достоевского // Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici. Vol. XXIV. Pisa — Roma, 2017. С. 29–46.
- Барит К. А.* Почвенничество Ф. М. Достоевского как элемент русской религиозной реформации в сборнике «Из глубины» // Философские письма. Русско-европейский диалог. 2018. № 1. С. 41–57.
- Буданова Н. Ф.* Павел Прусский и его книга «Беседы о пришествии пророков Илии и Эноха, об антихристе и седмицах Данииловых» (новые материалы к теме «Достоевский и старообрядчество») // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 18. СПб., 2007. С. 86–101.
- Бытко С. С.* «Степан Степаных своих не покинет», или Тайный старообрядец в должности городского головы (к биографии Л. С. Масленникова) // Православие. Наука. Образование. 2018. № 2 (6). С. 20–26.
- Бытко С. С.* О «Хозяйке» и конфессиональной терминологии (новые размышления к теме «Достоевский и старообрядчество») // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 22. СПб., 2019. С. 189–207.
- Бытко С. С.* Философское осмысление старообрядчества в творчестве Ф. М. Достоевского: особенности интерпретации // Материалы и исследования по истории России. Вып. 1 / Отв. ред. Я. Г. Солодкин. Нижневартовск, 2017. С. 4–10.
- Евлампиев И. И.* Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб., 2012. 585 с.
- Жилыкова Э. М.* Христианские мотивы и образы в творчестве Н. А. Некрасова (1830–1850-е гг.) // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 269–282.
- Кантор В. К.* Трагические герои Достоевского в контексте русской судьбы (роман «Подросток») // Вопросы литературы. 2008. № 6. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/r55dj4qqxl/direct/72243930> (дата обращения 30.03.2020).
- Кирпотин В. Я.* Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966. 560 с.

- Климова С. М.* Страдание у Достоевского: сознание и жизнь // Вестник РГГУ. Сер. Философия. 2008. № 7. С. 186–197.
- Кожурин К. Я.* Тема русского раскола и старообрядчества в русской философско-исторической мысли XIX — начала XX в. // LiveJournal: Информационная платформа [Электронный ресурс]. URL: <https://santaburge.livejournal.com/131577.html> (дата обращения 15.05.2019).
- Костров А. В.* Забайкальское старообрядчество начала XX в. в контексте имперского регионализма // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2012. № 2 (3). Ч. 1. С. 100–104.
- Кочергина М. В.* Памятники медной художественной пластики из старообрядческих духовных центров Стародубья и Ветки: вопросы атрибуции и особенности бытования в старообрядческой среде // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 2. С. 24–28.
- Майков А. Н.* Странник // Майков А. Н. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1984. С. 24–53.
- Медвидь Е. Е.* Абсолютные ценности в религиозно-философской антропологии Ф. М. Достоевского // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2006. № 3. С. 210–214.
- Митина С. И.* Ф. М. Достоевский: страдание и свобода // Интеграция образования. 2001. № 1. С. 78.
- Мочульский К. В.* Кризис воображения: статьи, эссе, портреты. М., 2017. 442 с.
- Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 1. Л., 1981. 719 с.
- Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 4. Л., 1982. 655 с.
- Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 5. Л., 1982. 687 с.
- Палкин А. С.* Единоверие в середине XVIII — начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург, 2016. 338 с.
- Палкин А. С.* «Не соединенци, но подчиненци...». Отношение старообрядцев к единоверию в конце XVIII — середине XIX в. (по материалам полемических произведений) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2012. Вып. 2 (4). С. 74–85.
- Покровский Н. Н.* Путешествие за редкими книгами. 2-е изд., доп. М., 1988. 288 с.
- Починская И. В.* Из истории введения единоверия в России: новый источник о процессе воссоединения с официальной церковью стародубских старообрядцев // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 177–182.
- Секретное донесение Иркутского губернатора А. В. Пятницкого о раскольниках от 14 августа 1841 г. // История старообрядцев (семейских) в документах Государственных архивов Байкальского региона (1766–1917 гг.) / Науч. ред. С. В. Васильева. Иркутск, 2016. С. 132–145.
- Соколова В. Ф.* Тема церковного раскола в творчестве Ф. М. Достоевского // Православное старообрядчество: Информационный портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://edinoslavie.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=545> (дата обращения 14.05.2019).
- Суровцев С. С.* Развитие и становление философских взглядов Ф. М. Достоевского // Вестник МГТУ. 2008. Т. 11, № 1. С. 49–54.
- Суйян М.* Раскольники в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского: взаимодействие художественного текста с публицистикой // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 4 (169). С. 139–146.

- Туниманов В. А. Достоевский и Некрасов // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 33–66.
- Цой Л. Н. Проблемы раскола и народных ересей в творчестве Ф. М. Достоевского. Якутск, 1995. 112 с.
- Шлапакова Е. В. Мотив денег в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика. 2018. Т. 23, № 2. С. 208–214.

S. S. Bytko

THE PROBLEMS OF PERCEPTION OF EDINOVERIE
IN THE CONTEXT OF THE AESTHETICS OF SUFFERING
DOSTOEVSKY

This article clarifies the significance of the phenomenon of *edinoverie* for the moral and philosophical teachings of F. Dostoevsky. The sources of Old Believer images in the writer's work, as well as their influence on the plot of his works, are investigated. A hypothesis is put forward on the presence of the correspondence dialogue between F. Dostoevsky and N. Nekrasov on the issue of Russian Old Believers. Particularly emphasized is the inextricability of the author's ideas of *edinoverie* with such key concepts for his worldview as suffering and *pochvennichestvo*.

Key words: Dostoevsky, *edinoverie*, Old Believers, schism, suffering, moral philosophy, Orthodoxy.

References

- Abramovskaya I. S., Egorova K. M. Osobennosti traktovki "mertvogo doma" v poeme N. A. Nekrasova i povesti F. M. Dostoevskogo. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2016, no. 3. P. 80–85. (In Russ.)
- Agashina E. N. Raskol'nikov i "napoleonovy" (k teme raskola v romane F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie"). *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2011, no. 4. P. 98–101. (In Russ.)
- Arsent'eva N. N. "Molodezh' bez rukovodstva". Problema dukhovnogo nastavnichestva v romane Dostoevskogo "Besy". In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya*. T. 21. Saint Petersburg, 2016. P. 56–80. (In Russ.)
- Azarenko N. A. Kontsept "stradanie" kak osnovnoy reprezentant temy detstva v tvorchestve F. M. Dostoevskogo. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2010, no. 2 (023). P. 48–53. (In Russ.)
- Barsht K. A. "...Iskhodil, blagoslavlyaya, papa-antikhris". Ob odnoy paradoksal'noy formulirovke v podgotovitel'nykh materialakh k romanu F. M. Dostoevskogo "Besy". *Novyy filologicheskiy vestnik*. 2019, no. 2 (49). P. 116–131. (In Russ.)
- Barsht K. A. O "realizme v vysshem smysle" i simvole very F. M. Dostoevskogo. *Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici*. 2017, vol. XXIV. P. 29–46. (In Russ.)

- Barsht K. A. Pochvennichestvo F. M. Dostoevskogo kak element russkoy religioznoy reformatsii v sbornike “Iz glubiny”. *Filosofskie pis'ma. Russko-evropeyskiy dialog*. 2018, no. 1. P. 41–57. (In Russ.)
- Budanova N. F. Pavel Prusskiy i ego kniga “Besedy o prishestvii prorokov Ilii i Enocha, ob antikhriste i sedminakh Daniilovykh” (novye materialy k teme “Dostoevskiy i starobryadchestvo”). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya*. T. 18. Saint Petersburg, 2007. P. 86–101. (In Russ.)
- Bytko S. S. “Stepan Stepanykh svoikh ne pokinet”, ili Taynyy staroobryadets v dolzhnosti gorodskogo golovy (k biografii L. S. Maslennikova). *Pravoslavie. Nauka. Obrazovanie*. 2018, no. 2 (6). P. 20–26. (In Russ.)
- Bytko S. S. O “Khozyayke” i konfessional'noy terminologii (novye razmyshleniya k teme “Dostoevskiy i starobryadchestvo”). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya*. T. 22. Saint Petersburg, 2019. P. 189–207. (In Russ.)
- Bytko S. S. Filosofskoe osmyslenie staroobryadchestva v tvorchestve F. M. Dostoevskogo: osobennosti interpretatsii. In: *Materialy i issledovaniya po istorii Rossii. Nizhnevartovsk*, 2017. Vol. 1. P. 4–10. (In Russ.)
- Evlampiev I. I. *Filosofiya cheloveka v tvorchestve F. Dostoevskogo (ot rannikh proizvedeniy k “Brat'yam Karamazovym”)*. Saint Petersburg, 2012. 585 p. (In Russ.)
- Kantor V. K. Tragicheskie geroi Dostoevskogo v kontekste russkoy sud'by (roman “Podrostok”). *Voprosy literatury*. 2008, no. 6. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/r55dj4qql/direct/72243930> (date of access 30.03.2020). (In Russ.)
- Kirpotin V. Ya. *Dostoevskiy v shestidesyatye gody*. Moscow, 1966. 560 p. (In Russ.)
- Klimova S. M. Stradanie u Dostoevskogo: soznanie i zhizn'. *Vestnik RGGU. Ser: Filosofiya*. 2008, no. 7. P. 186–197. (In Russ.)
- Kostrov A. V. Zabaykal'skoe staroobryadchestvo nachala XX v. v kontekste imper-skogo regionalizma. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser: Istoriya*. 2012, no. 2 (3), vol. 1. P. 100–104. (In Russ.)
- Kochevina M. V. Pamyatniki mednoy khudozhestvennoy plastiki iz staroobryadcheskikh dukhovnykh tsentrov Starodub'ya i Vetki: voprosy atributsii i osobennosti bytovaniya v staroobryadcheskoy srede. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017, no. 2. P. 24–28. (In Russ.)
- Kozhurin K. Ya. Tema russkogo raskola i staroobryadchestva v russkoy filosofsko-istoricheskoy mysli XIX — nachala XX v. *LiveJournal: Informatsionnaya platforma*. URL: <https://santaburge.livejournal.com/131577.html> (date of access 15.05.2019). (In Russ.)
- Maykov A. N. Strannik. In: *Maykov A. N. Sochineniya: In 2 vols*. Moscow, 1984. Vol. 2. P. 24–53. (In Russ.)
- Medvid' E. E. Absolyutnye tsnennosti v religiozno-filosofskoy antropologii F. M. Dostoevskogo. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*. 2006, no. 3. P. 210–214. (In Russ.)
- Mitina S. I. F. M. Dostoevskiy: stradanie i svoboda. *Integratsiya obrazovaniya*. 2001, no. 1. P. 78. (In Russ.)
- Mochul'skiy K. V. *Krizis voobrazheniya: stat'i, esse, portrety*. Moscow, 2017. 442 p. (In Russ.)
- Nekrasov N. A. *Poln. sobr. soch.:* In 15 vols. Vol. 1. Leningrad, 1981. 719 p. (In Russ.)

- Nekrasov N.A. *Poln. sobr. soch.*: In 15 vols. Vol. 4. Leningrad, 1982. 655 p. (In Russ.)
- Nekrasov N.A. *Poln. sobr. soch.*: In 15 vols. Vol. 5. Leningrad, 1982. 687 p. (In Russ.)
- Palkin A. S. *Edinoverie v seredine XVIII — nachale XX v.: obshcherossiyskiy kontekst i regional'naya spetsifika*. Ekaterinburg, 2016. 338 p. (In Russ.)
- Palkin A. S. "Ne soedinenti, no podchinenti...". Otnoshenie staroobryadtsev k edinoveriyu v kontse XVIII — seredine XIX vv. (po materialam polemicheskikh proizvedeniy). *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*. 2012, no. 2 (4). P. 74–85. (In Russ.)
- Pokrovskiy N. N. *Puteshestvie za redkimi knigami*. 2-e izd., dop. Moscow, 1988. 288 p. (In Russ.)
- Pochinskaya I. V. Iz istorii vvedeniya edinoveriya v Rossii: novyy istochnik o protsesse vossoedineniya s ofitsial'noy tserkov'yu starodubskikh staroobryadtsev. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019, no. 441. P. 177–182. (In Russ.)
- Sekretnoe donesenie Irkutskogo gubernatora A. V. Pyatnitskogo o raskol'nikakh ot 14 avgusta 1841 g. In: *Istoriya staroobryadtsev (semeyskikh) v dokumentakh Gosudarstvennykh arkhivov Baykal'skogo regiona (1766–1917 gg.)*. Irkutsk, 2016. P. 132–145. (In Russ.)
- Shlapakova E. V. Motiv deneg v romane F. M. Dostoevskogo "Podrostok". *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Literaturovedenie, zhurnalistika*. 2018, vol. 23, no. 2. P. 208–214. (In Russ.)
- Sokolova V. F. Tema tserkovnogo raskola v publitsistike i khudozhestvennom tvorchestve F. M. Dostoevskogo. In: *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'. Materialy VII Mezhdunarodnoy konferentsii*. URL: <http://edinoslavie.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=545> (date of access 14.05.2019). (In Russ.)
- Surovtsev S. S. Razvitie i stanovlenie filosofskikh vzglyadov F. M. Dostoevskogo. *Vestnik MGTU*. 2008, vol. 11, no. 1. P. 49–54. (In Russ.)
- Syuyyan M. Raskol'niki v "Zapiskakh iz Mertvogo doma" F. M. Dostoevskogo: vzaimodeystvie khudozhestvennogo teksta s publitsistikoy. *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo univesiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki*. 2017, t. 19, no. 4 (169). P. 139–146. (In Russ.)
- Tunimanov V. A. Dostoevskiy i Nekrasov. In: *Dostoevskiy i ego vremya*. Leningrad, 1971. P. 33–66. (In Russ.)
- Tsoy L. N. *Problemy raskola i narodnykh eresey v tvorchestve F. M. Dostoevskogo*. Yakutsk, 1995. 112 p. (In Russ.)
- Zhilyakova E. M. Khristianskie motivy i obrazy v tvorchestve N. A. Nekrasova (1830–1850-e gg.). *Problemy istoricheskoy poetiki*. 1998, no. 5. P. 269–282. (In Russ.)